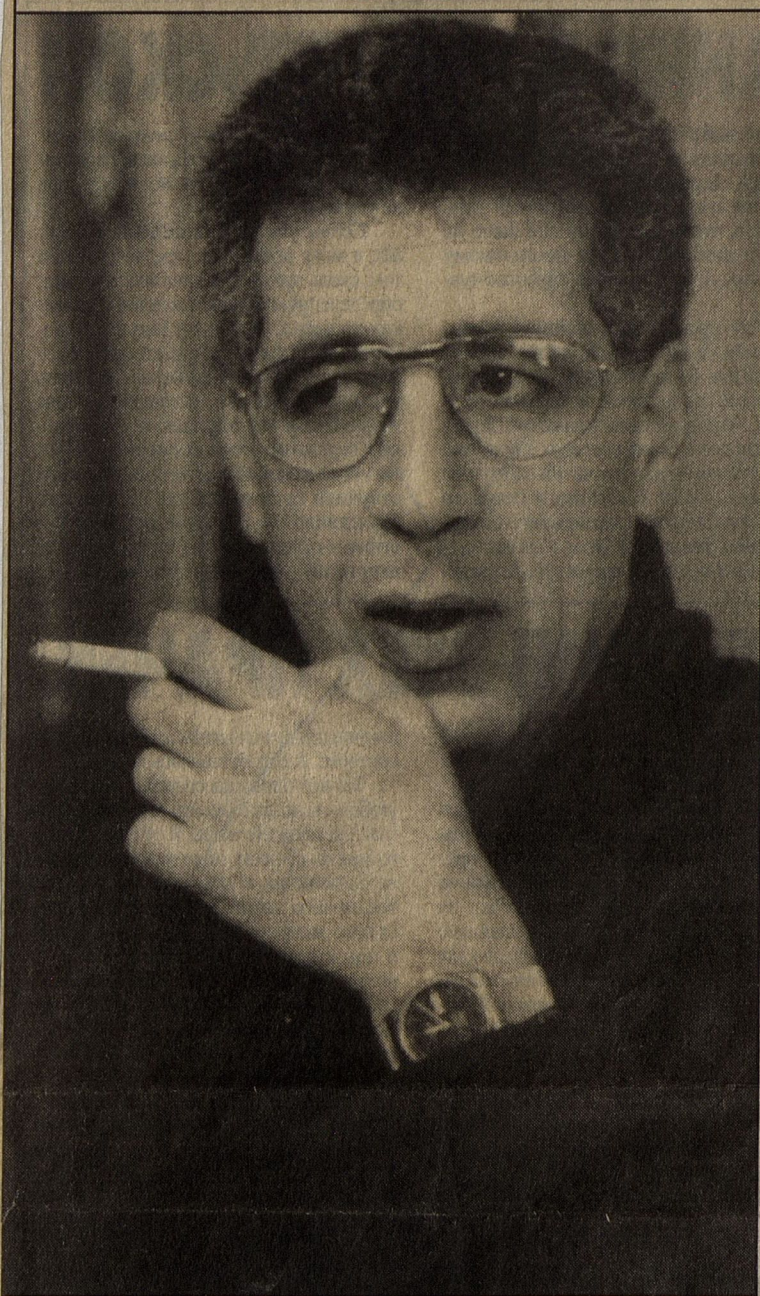

— Скажи, Лев Юрьевич, приписанная Чехову фраза «в детстве у меня не было детства» — к тебе относится?

— У меня было хорошее детство (хоть и не без проблем — родители расхворались, сходились). Вообще, если окинуть взглядом свои пятьдесят четыре года, жизнь была интересная с самого начала. Я родился на Таганке, на Андроньевской улице, там были дворы и все радости детства в полном объеме. Потом жили с отцом в Брянске, там были овраги. Потом были школы, много разных школ, а девятый—десятый классы — в школах вечерних, когда я днем работал на чугунолитейном заводе слесарем-ремонтником. Потом — журналистика...

— Прямо вот так — из слесарей — ремонтников?

— Меня устроил курьером в «Вечернюю Москву» по жуткому благу мой отчим, который был председателем горкома профсоюза художников-графиков. И он играл в преферанс с главным редактором «Вечерки» Семеном Давыдычем Индурским. У них была хорошая кампания: заведующий отделом кадров Министерства речного флота, профессор энергетического института, главврач стоматологической поликлиники. Было это 38 лет тому назад. Ну так вот, болтался я в «Вечерней Москве» и очень хотел участвовать в творческом процессе. А отделом городского хозяйства там заведовал Анатолий Захарович Рубинов, будущее золотое перо «Литгазеты». Он-то мне и доверил написать заметку про какую-то стройку. Строчек 50—60. Поправили мою писанину довольно сильно, но, глав-

ное, заметка вышла, с моей фамилией, и это было очень приятно. Потом другие заметки были. В «Вечерке» я проработал курьером почти два года. В итоге мне предложили творческую работу — пост заместителя ответственного секретаря.

— Вполне успешная карьера.

— Карьера не удалась, проработал я замом ответска всего две недели. Цех взбунтовался — слишком я был неопытен, ошибок налепил. Работа ведь эта для довольно зрелого человека, а мне еще 18 лет не исполнилось. Пошел корреспондентом в многотиражку речного пароходства «Московский водник»...

— Помня, что кадровик Минречфлота тоже играл в преферанс, вопрос о благе мы вторично не поднимаем. Для души уже писал что-нибудь?

— Тогда еще нет. Позже начал — с коротких рассказов.

— Смешных?

— Я бы сказал — озорных. Трудно самому себя анализировать, но то, что я писал, рождалось от какого-то своего ощущения времени, семидесятые там, восьмидесятые... Каждый делал это по-своему: большие писатели, как Трифонов, — на своем уровне, а мы — такой трамвайно-троллейбусно-газетный вариант. Я быстро попал в хорошую обойму. С Гориным и Аркановым, Хазановым, Жванецким, Задорновым... И обкатывал написанное на отличных площадках — от Театра эстрады до Малой спортивной арены. Потом, я не только для эстрады сочинял. Писал сценарии для мультфильмов и для радио «Доброе утро», сюжеты в киножурналы «Ералаш» и «Фитиль», сценарии для конкурсов кра-

Лев НОВОЖЕНОВ:

Вег. Р. 1950. - 2001-2-Минск. - С. 7

ТЕПЕРЬ Я ПИШУ ЯЗЫКОМ

Неблагодарное это занятие — задавать банальные вопросы человеку, который сам прилюдно мучает избитыми вопросами разных, интересных и не очень интересных людей. Нынче телеведущий Лев Новоженов — товарный знак передач НТВ «Старый телевизор», «Тушите свет!» и перекочевавшей на канал ТНТ программы «Сегоднячко». А в первой половине своей жизни он был вполне успешным писателем — юмористом.

— ну и так далее.

А не проще ли сразу, чтобы не разводить всю эту дребедень, понаделать ишкур и вернуться в пещеры — начать новую жизнь, так уж с самого что ни на есть начала.

— Признайся, сам часто отказывался от привычного и начинал с начала?

— Я из тех, кто долго пробует и выбирает. Например, четыре раза женился, пока наконец нашел, что искал. И вот живем с женой Мариной двадцать лет. Учился в двух институтах. На истфаке в педагогическом и в полиграфе на редакторском, который в итоге и закончил. С работой так же — бродил, бродил... всю жизнь был достаточно инертным — из «Литературной России» в «Московский комсомолец» долго не хотел переходить. И мама поддерживала: зачем бросать работу, где буфет, Дом творчества... Потом тринадцать лет в «МК» — сначала заведовал отделом сатиры и юмора, последние три года был заместителем главного редактора. А мой отец, профессиональный журналист, за всю свою жизнь сменил только два места работы — в газетах «Брянский комсомолец» и «Советская торговля». (Отец закончил Литинститут, где учился на одном курсе с Наумом Коржавиным, писал кулинарные книги).

— И каким ветром тебя на ТВ занесло?

— Я вообще-то не собирался — меня Дибров пригласил. У них на канале не было людей, а предстояло информационную программу делать. Кем, в каком качестве — даже не оговаривалось: «Иди делать программу, а дальше — как получится». Я и согласился.

— В свои зрелые годы так легко бросил накатанную колею ради абсолютной неопределенности?

— Сто раз об этом говорил... Так всегда случается в кризисные моменты жизни. Помнишь, каким был тот год, 93-й? Все время в жизни происходило что-то новое со всеми нами. Я к тому времени в «МК» сам себе надоел: столько лет одно и то же. И всегда так происходит — одна ситуация себя изживает, наступает другая...

— Лев Юрьевич — сегодня такое же устоявшееся эфирное имя, как Хрюн Моржов и Степан Капустка...

— Мы же не в Америке, или Испании, где до седых волос — Билл, Хулио... А в России в старину и дети маменьку с папеньку называли на «вы», и муж с женой по отношению друг к другу обращались. Мне это нравится. И на ТВ так сразу устоялось, я ведь пришел туда мальчиком — в 46 лет. И ты не смеивай разные понятия — можно быть объектом смеха, а можно — субъектом. Быть носителем смешного или уметь подмечать смешные ситуации.

— Сценарии передачи «Тушите свет!» пишут пять авторов, а ты как ведущий просто озвучиваешь чужие тексты?

— В общем, да. В эту передачу сам я ничего писать не могу — на это просто нет времени. Хотя все тексты рождаются в коллективном общении, многие реплики появляются без всякого сценария. Так что

эту должность нельзя воспринимать просто как служебную. В ее основе все равно лежит литературная работа. Отчасти построенная на импровизации. Пять авторов пишут для «Тушите свет!» примерно то же, что сказал бы я, а не что-то другое, что годилось бы для какого-нибудь Степана Ивановича Сидорова. И это не так просто, как кажется, — тут очень сложная технология. Сценарий передачи выглядит как некая канва, по ходу дела он обогащается — не только новыми репликами, но и поведенчески. Потому что телевидение — это не слова, а изображение, визуальный ряд.

— Новоженов-литератор при этом не страдает?

— Я все время работаю как литератор. В «Сегоднячко» и «Старом телевизоре» я же не пользуюсь текстами, которые мне пишут редакторы. А для того, чтобы что-то сказать, необходимо это написать. Я и пишу, только не на бумаге, а в уме, непосредственно в эфире. Потому дистанция от мысли до ее словесного выражения — от нескольких секунд до двух-трех минут.

— То бишь, в отличие от собратьев по перу, просто работаешь иначе — языком и в эфире?

— Можно сказать, что теперь пишу языком.

— Этим умением должны обладать все твои ведущие?

— Обязаны. Конечно, все они разные — по реакции, сообразительности. Когда я пришел во «Времечко», приходилось за всех писать. Кого-то, как Грозную, требовалось тормошить больше, Цивилева — меньше, потому что он опытнее — работал редактором на «Добром утре». Мне ведь тоже очень помогло то, что я работал в ежедневной газете, в напряженном ритме.

— Насколько ты незаменим?

— В принципе, незаменимых людей нет (выходит же без меня прежние «Времечко»). Но, конечно же, взаимозависимость безусловная, хотя я об этом не думаю. Я вообще в себе редко копаюсь.

— А прежде — копался?

— Было, конечно. В молодости. Потом я перестал следить за собой.

— Может быть, потому, что за тобой стали следить другие?

— На телевидении, конечно, есть стилисты. Люди, которые подсказывают, что тебе нужно сделать: как говорить — быстрее или медленнее, что надеть. Это приходится учить.

— Для тебя существуют авторитеты?

— Теперь, наверное, нет. Но не в том вульгарном смысле, как неприятие авторитетов, свойственное молодости, — нет, и всё. Я таким не был. Просто сейчас меня окружают (я имею в виду в профессии) люди в основном молодые, для которых авторитетом должен быть я.

Из литературных описов Л.Ю. НОВОЖЕНОВА

Откуда берутся дети, практически известно всем, но куда они деваются, для многих до сих пор остается загадкой.

Каждый раз они могут оказаться в самом неожиданном месте. Ну ладно если еще у подруги, друга или в кино.

А то ведь их можно обнаружить замужем, в предварительном заключении, на войне и в геологической экспедиции.

Меня мои родители нашли как-то в городе Ачинске Красноярского края. Я там работал по комсомольской путевке на строительстве глиноземного комбината. Должно было пройти тридцать лет, чтобы до меня дошел истинный смысл слов, с которых начинаются приключения Тома Сойера:

— То-о-ом! — нет ответа. Откуда берутся дети — это каждый знает. А вот куда они деваются?

— Где твои дети, Лев Юрьевич? Чем занимаются?

— Старшему сыну 26, он живет в Америке. Занят каким-то мелким бизнесом. Из-за отдаленности контакты у нас слабые. Так что дети росли без меня. Дочь Саша закончила художественную школу, в четырнадцать оформила мою первую книжку рассказов «Времечко жить». Учится на втором курсе юридического факультета МГУ. Человек она довольно самостоятельный и независимый, но по большому счету хлопот не доставляла. Конечно, она ближе с матерью, но и у меня с ней хорошие отношения. Иногда ходим вместе на какие-то тусовки.

— Читал, что на тусовку Новоженов явился с существом неопределенного пола. Твоя дочь просчитывала такую реакцию, когда постриглась «под ноль»?

— Переживала, конечно. Хотя уже могла бы к такому взгляду на себя привыкнуть.

— Желания корректировать ее поведение у тебя нет?

— Я вообще детьми почти не занимался — я не по этому делу. Если брался за воспитание — получал обратный эффект. Что я могу? — только служить живой иллюстрацией.

— А ты хороший человек?

— А что такое «хороший человек»? Я не очень понимаю, когда про кого-то говорят: он хороший человек. И в таких случаях обычно спрашиваю: а он кто? что он сделал? Сам я больше всего не люблю неумелых людей. (Я говорю о мужчинах, конечно. Дело женщин — рожать). Наверное, это неправильно, но я сужу о людях с точки зрения профессии и больше никак.

— Не исключаешь, что вернешься к прежнему занятию — сочинительству, к жизни кабинетного животного?

— Я не знаю, что бы написал, оставаясь литератором в прежнем виде: как, о чем... Вообще в данный момент не знаю, о чем писать. Жизнь так складывается, начинает тебя гнать, гнать, гнать, но глупо останавливаться в тот момент, когда все получается. А вообще-то я устал от всего этого шума, от разговоров, вопросов, ответов. Душа покоя просит: хочется под сень звенящих струй.

— И ты не думаешь, что «эфирное время» уже вошло в обмен веществ, что без ТВ уже не сможешь жить?

— Ну да... Бывшему летчику не хватает неба, бывшему актеру — сцены... Наверное, и мне однажды будет не хватать нынешней кутерьмы.

Встречался Георгий ШИШКИН

Новоженов Лев

2-11.03.2001